

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

РАДОСТЬ ПОУТРУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

Pelham Grenville Wodehouse
JOY IN THE MORNING

Перевод с английского *И. Бернштейн*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate
и литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd.
и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Радость поутру : [роман] / Пелам Гренвилл Вудхаус ; [пер. с англ. И. Бернштейн]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-102227-3

Дживс и Вустер вынуждены ненадолго поселиться в деревушке, расположенной в непосредственной близости от дома внушающей ужас Агаты — тети Берти Вустера. К счастью, тетушка уехала, но в усадьбе проживает Флоренс Крэй, которая поставила перед собой задачу сделать из Берти серьезного человека. Кажется, вольная жизнь Берти закончилась, но верный Дживс, как всегда, бросается на помощь своему хозяину-шалопаю...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1946
© Перевод. И. Бернштейн,
наследники, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-102227-3

Глава 1

Когда описанные треволнения отошли в прошлое, опасность перестала маячить на горизонте, всем направо и налево были пригоршнями розданы счастливые концы и мы ехали домой, лихо сдвинув шляпы набекрень и отряхнув прах Стипл-Бампли с наших шин, я признался Дживсу, что в ходе этой истории Бертрам Вустер, вообще-то не слабодушного десятка, временами был очень близок к отчаянию.

— Ну просто, можно сказать, на грани, Дживс.

— Обстоятельства, бесспорно, принимали угрожающий оборот, сэр.

— Ни луча надежды. Впечатление было такое, будто Синяя Птица подняла лапки кверху и закрыла лавочку. А теперь вот мы едем-веселимся, и солнышко сияет. Тут, пожалуй, задумаешься.

— Да, сэр.

— Есть такое выражение, на языке вертится, как раз подходит к данному случаю. Вернее, не выражение, а поговорка. Афоризм такой. Вроде шутки. Что называется, присловье. Словом, изречение. Что-то такое насчет радости.

— Вечером водворяется плач, а наутро радость*, сэр?

— Вот-вот, самое оно! Не вы придумали?

— Нет, сэр.

— Здорово сказано, — похвалил я его.

Я и теперь считаю, что невозможно в двух словах лучше передать суть того убийственного происшествия, в котором принимали участие Нобби Хопвуд, Чеддер по прозвищу Сыр, Флоренс Крэй, мой дядя Перси, Дж. Чичестер Устрица, бойскаут Эдвин и старина Боко Фитлуорт, — или, как впоследствии, наверное, назовут эту историю мои биографы, «Ужас в Стипл-Бампли».

Этот географический пункт у меня еще до описываемых событий занимал первую строчку в списке мест, которые следует как можно дальше обходить стороной. Вам не приходилось замечать: на старинных картах, бывает, какое-то место помечено крестиком и подпись: «Здесь драконы» или «Смотри в оба, тут гиппогрифы»? Что-нибудь в этом же роде, по-моему, надо из человеколюбия написать возле Стипл-Бампли для предостережения пешеходам и транспорту.

Поселение это живописное, не спору. Равного ему по красотам не найдешь во всем Гемпшире. Оно расположено, как говорится, под сенью деревьев среди улыбочивых нив и лиственных лесных массивов, вблизи речки, текущей под ивами и ветлами, и куда ни

* Берти с помощью Дживса вспоминает библейский псалом, 29:6. — *Здесь и далее примеч. пер.*

бросишь кирпич — попадешь в деревенский домик с белым садиком или в голову румяного деревенского жителя. Но вы же знаете, все эти виды, ласкающие взор, бесполезны там, где мерзок человек*. А беда деревни Стипл-Бампли состоит в том, что в ней находится усадьба «Бампли-Холл», а в усадьбе, в свою очередь, находится моя тетка Агата со своим вторым мужем.

Когда же я скажу, что ее вторым мужем является не кто иной, как Персиваль лорд Уорплесдон, а при нем — его дочь Флоренс и сын Эдвин, несноснейший из всех мальчишек, когда-либо щеголявших в шортах цвета хаки и занимавшихся следопытством, или что там делают эти чертовы бойскауты, вы сразу поймете, почему я всегда отклонял приглашения моего бывшего одноклассника Боко Фитлуорта погостить в его летнем домике, находящемся в той же местности.

Я и по отношению к Дживсу долгое время проявлял такую же твердость, когда он намекал, что неплохо бы нам снять там коттеджик на лето. Дело в том, что в тамошней речке, как всем известно, хоть пруд пруди рыбы, а Дживс принадлежит к числу тех, кто обожает взмахивать над головой крючком с наживкой. «Нет, Дживс, — вынужден был я ему отвечать. — Как ни больно мне лишать вас радостей простой жизни, но там ведь всегда есть риск столкнуться с этой разбойничьей шайкой. Нет уж, безопасность — пре-

* Ссылка на стихотворение «Миссионерский гимн» английского религиозного поэта епископа Реджинальда Хиберы (1783—1826).

жде всего». На что он мне говорил: «Очень хорошо, сэр», и на том вопрос бывал исчерпан.

Но все это время, неведомо для меня, тень Стипл-Бампли подкрадывалась все ближе, и настал день, когда она сорвала накладную бороду — и набросилась!

Что странно, в то утро, когда со мной произошло это огромное несчастье, я был в самом что ни на есть радужном расположении духа. Ничто не говорило о том, что мне предстоит вляпаться в такую калошу. Я отлично выспался, удачно побрился, приятно принял душ и жизнерадостным возгласом приветствовал появление Дживса с кофе и копчушками.

— Черт подери, Дживс, — говорю, — я сегодня с утра в наилучшей форме. Упиваюсь своей молодостью и готов хоть сейчас взяться за работу, не страшась любой судьбы, как писал Теннисон.

— Лонгфелло*, сэр.

— Или Лонгфелло, если вам угодно. Не будем мелочиться. Ну, что новенького?

— Заезжала мисс Хопвуд, когда вы еще спали, сэр.

— В самом деле? Жаль, я ее не повидал.

— Молодая леди хотела войти к вам в спальню и разбудить вас с помощью мокрой губки, но я ее отговорил. Я счел предпочтительным, чтобы ваш сон не был нарушен.

Я одобрял такую бдительность, в ней сказывались, с одной стороны, доброе сердце, с другой — старый феодальный дух. Но в то же время я с огорче-

* Из стихотворения Г. Лонгфелло «Псалом жизни» (1839).

нием прицокнул языком, сожалея, что разминулся с юной пигалицей, с которой всегда поддерживал самые дружеские отношения. Эта Зенобия (Нобби) Хопвуд была, что называется, «под опекой» у старика Уорплесдона. Несколько лет назад один его приятель, перед тем как отдать концы, оставил свою дочь на его попечение. Как это делается, точно не знаю — наверняка были сочинены соответствующие документы, поставлены подписи над пунктирной линией, — но в результате, когда дым рассеялся, Нобби оказалась подопечной моего дяди Перси.

— Юная Нобби, вы сказали? Давно ли она в нашей столице? — спросил я, поскольку, попав под опеку дяди Перси, она, естественно, влилась в ряды тех, кто обитал в логове Стипл-Бампли, и теперь лишь изредка показывалась в Лондоне.

— Со вчерашнего вечера, сэр.

— И надолго?

— Только до завтра, сэр.

— Стоило ли так далеко тащиться ради одного дня?

— Как я понял, она приехала по настоянию ее сиятельства, для ее сопровождения, сэр.

Я вздрогнул:

— То есть вы хотите сказать, что тетя Агата в Лондоне?

— Всего лишь проездом, сэр, — успокоил мои опасения верный слуга. — Ее сиятельство направляется ухаживать за мастером Томасом, который подхватил в школе свинку.

Дживс говорил о теткинном сыне от первого брака, худшем из наших сограждан. Многие осведомленные люди ставят его в списке величайших злодеев Англии еще выше ее пасынка Эдвина. Я с удовлетворением услышал о его заболевании, и у меня даже мелькнула шальная надежда, что он сумеет заразить свинкой свою мать.

— А что говорила юная Нобби, Дживс?

— Она выражала сожаление, что так редко теперь видит вас, сэр.

— Взаимно, Дживс, я тоже сожалею. Таких славных малых, как эта Хопвуд, не много найдется на свете.

— Она выразила надежду, что вы найдете возможность в ближайшем будущем посетить Стипл-Бампли.

Я отрицательно покачал головой:

— Исключено, Дживс.

— Молодая леди сообщила мне, что сейчас у них превосходно клюет рыба.

— Нет, Дживс. Мне очень жаль, но даже если она набрасывается на пустой крючок, все равно к Стипл-Бампли я близко не подойду.

— Очень хорошо, сэр.

Голос у него был мрачный, и я попытался разрядить атмосферу, для чего попросил еще чашку кофе.

— Она одна заходила? — спросил я, имея в виду Нобби.

— Нет, сэр. С нею был джентльмен, который разговаривал так, как будто вы с ним знакомы. Мисс Хопвуд называла его Сыр.

— Могучий такой?

— С заметно развитой мускулатурой, сэ.

— А голова похожа на тыкву?

— Да, сэ, некоторое сходство с этим овощем просматривается.

— Тогда это друг моих юных дней по имени д'Арси Чеддер. Для смеха мы именовали его в своем кругу Сыром. Не виделся с ним тысячу лет. Он проживает где-то в сельской местности, а чтобы общаться с Бертрамом Вустером, требуется как минимум вращаться в столичных сферах. Удивительно, что он, оказывается, знаком с Нобби.

— Как я понял из слов молодой леди, сэ, мистер Чеддер тоже проживает в Стипл-Бампли.

— Да? Ну и тесен же мир, Дживс.

— Да, сэ.

— Прямо не припомню, чтобы я когда-нибудь видел теснее, — сказал я и уже приготовился развить эту тему, но тут призывно затренькал телефон, и Дживс как штык полетел в переднюю. Сквозь неплотно прикрытую дверь я разобрал многократно повторенные: «Да, ваше сиятельство» и «Очень хорошо, ваше сиятельство» — верный признак того, что у него на крючке какой-то представитель старинной аристократии.

— Кто это был? — спросил я, когда он просочился обратно.

— Лорд Уорплесдон, сэ.

Сейчас, оглядываясь назад, я просто диву даюсь, что так спокойно отозвался на это сообщение, всего лишь произнеся: «Да?» И только. А ведь должен был

бы почувствовать, как в мою жизнь, подобно ползучему туману или миазму, все настойчивее вторгается, если можно так выразиться, зловещий мотив Стипл-Бампли; почувствовать, содрогнуться и спросить себя: что бы это значило? Но факт таков. Я несколько не затрепетал и отреагировал вполне равнодушно.

— Звонок предназначался мне, сэр. Его сиятельство желает, чтобы я немедленно посетил его в его конторе.

— Он хочет видеть именно вас?

— Да, у меня сложилось такое впечатление, сэр.

— А зачем, он не сказал?

— Нет, сэр. Заметил только, что дело не терпит отлагательства.

Я задумался, жуя рыбку. По-видимому, тут могло быть лишь одно объяснение.

— Знаете, что я думаю, Дживс? Не иначе как он попал в какую-то переделку и нуждается в вашем совете.

— Возможно, что так, сэр.

— Держу пари, что так. Он, конечно, наслышан о ваших выдающихся способностях. Не могло же так быть, чтобы вы оставались в тени вечно. Оказывая всем нуждающимся направо и налево щедрую помощь и поддержку, вы неизбежно должны были приобрести некоторую славу, хотя бы в семейном кругу. Хватайте шляпу и гоните лошадей. Буду с нетерпением ждать вашего отчета. Какая сегодня погода?

— Погода весьма хорошая, сэр.

— Солнышко сияет, и все такое?

— Да, сэр.

— Так я и думал. Потому-то я сегодня и полон бодрости. Пожалуй, выйду прогуляться. Скажите мне, — попросил я, угрызаясь, что вынужден был проявить непреклонность в деле со Стипл-Бампли, и желая вернуть в его жизнь ту светлую радость, в которой ему отказал, лишив его общества местных рыб, — нет ли чего-нибудь такого, что я мог бы для вас сделать в городе?

— Как вы сказали, сэр?

— Может быть, какой-нибудь небольшой подарок?

— Вы чрезвычайно добры, сэр.

— Пустяки, Дживс. Просите что хотите. Не стесняйтесь.

— Недавно вышло новое научно комментированное издание трудов философа Спинозы, сэр, и, коль скоро вы так щедры, я был бы рад получить его.

— Вы его получите. Оно будет без промедления доставлено к вашему порогу. Фамилию автора не перепутали? Спиноза — это точно?

— Точно, сэр.

— Странная какая-то фамилия. Но вам, конечно, виднее. Спиноза, значит? Отмечен Книжным клубом как лучшая книга месяца?

— Насколько я знаю, нет, сэр.

— Первый раз слышу про писателя, который не отмечен Книжным клубом. Ладно. Займусь этим незамедлительно.

И, собрав воедино шляпу, перчатки и аккуратно свернутый зонт, я вышел из дома.

По пути к магазину книжной продукции мысли мои, как вы сами понимаете, снова обратились

к таинственному звонку старика Уорплесдона. Меня разбирало любопытство. Никак не мог представить себе, что за неприятность могла случиться у такой солидной личности, как он.

Когда полтора года назад до меня из хорошо осведомленных источников дошло известие, что тетя Агата, вдовевшая на протяжении долгого времени, вздумала вторично рискнуть на законный брак, моей первой эмоцией, естественно, была жалость к самоуверенному бедняге, который рискует пойти с ней к алтарю, — ведь это, как вы, конечно, знаете, моя злая тетка, та, что ест бутылочное стекло и в полнолуние приносит человеческие жертвы.

Но затем стали поступать свежие подробности, и оказалось, что сей горький жребий достался не кому-нибудь, а лорду Уорплесдону, пароходному магнату, и тут мое сострадание сильно пошло на убыль. Я понял, что положение складывается неоднозначное. Даже если в конце концов он у нее и научится прыгать через обруч, победа достанется тете Агате отнюдь не без боя.

Ибо он и сам был малый не промах, этот лорд Уорплесдон. Я знал его, можно сказать, всю свою сознательную жизнь. Это он в пятнадцать лет — то есть это мне было пятнадцать лет, понятное дело, — застав меня на конюшенном дворе курящим его самые дорогие сигары, гнал меня с хлыстом в руке целую милю по пересеченной местности. И хотя с годами отношения наши, естественно, стали более сдержанными, стоило мне вспомнить о нем, и у меня обязательно бежали мурашки по коже. Окажись я перед

выбором между ним и гиппогрифом в качестве спутника в пешем походе, я бы, ни минуты не колеблясь, избрал гиппогрифа.

Трудно было представить, чтобы такой железный человек вынужден был слать Дживсу сигналы бедствия, и я уже воображал компрометирующие письма в руках у алчной блондинки, когда достиг цели своего путешествия и принялся выполнять взятое на себя обязательство.

— Доброе утро, — проговорил я. — Мне нужна книга.

Надо бы мне, конечно, сообразить, как это глупо — говорить, что тебе нужна книга, если явился в книжный магазин. Этим только озадачишь и напугаешь местное население. И действительно, занюханый старикашка, который вышел из угла, чтобы обслужить меня, прямо вздрогнул.

— Книга, сэр? — переспросил он с плохо скрываемым удивлением.

— Спиноза, — уточнил я.

Он отшатнулся:

— Вы сказали, Спиноза, сэр?

— Вот именно. Спиноза.

По-видимому, он решил, что, если мы потолкуем с ним об этом как мужчина с мужчиной, можно будет в конце концов прийти к обоюдоприемлемому варианту.

— Вы не имели в виду «Спинки и свинки», сэр?

— Нет.

— А не может это быть «Отравленная булавка»?

— Нет, не может.

— Или «С ружьем и фотоаппаратом по дикому Борнео»? — набавил он слов.

— Спиноза, — твердо сказал я, держась своей линии.

Он горько вздохнул, понимая, что ситуация вышла из-под его контроля.

— Пойду взгляну, есть ли у нас экземпляры, сэр. А вы пока посмотрите, может быть, все-таки вы имели в виду вот это? Говорят, очень возвышенное сочинение.

И потопал, озадаченно твердя себе под нос: «Спиноза, Спиноза», а меня оставив с какой-то книженцией в руке.

Я взглянул: сразу видно, гадость. Называется — «Сплин и роза». На обложке какая-то дамочка с зеленым лицом, нюхающая фиолетовую лилию. Я уже собрался отшвырнуть ее и пойти на розыски упомянутой «Отравленной булавки», как вдруг слышу, кто-то у меня за спиной произносит: «Бог мой! Берти!» Оборачиваюсь и вижу, что этот звериный вопль испустила высокая молодая особа властной наружности, незаметно подкравшаяся ко мне сзади.

— Господи ты боже мой! Берти! Ты ли это?

Я всхрипнул и попятился, как испуганный мустанг. Передо мной была дочь старика Уорпледсона Флоренс Крэй.

А почему я так всхрипнул и попятился при виде ее, сейчас объясню. Я решительно не признаю таких историй, где люди топчутся туда-сюда, хватаются за голову и что-то сильно переживают, а в чем дело, не

поймешь, и так до самой последней главы, когда объяснение дает следователь.

Коротко говоря, появление этой барышни так подействовало на меня по той причине, что когда-то давно мы были с ней помолвлены, и даже не так уж и давно. И хотя все тогда кончилось благополучно, дело расстроилось, и в последнюю минуту я все же был спасен от эшафота, но это было, можно сказать, совершенно чудесное спасение, и память до сих пор осталась свежа. Одно упоминание ее имени приводило меня в такую дрожь, что требовалось немедленно пропустить стаканчик или два. Словом, вы легко поймете, каково мне было вот так, нос к носу, столкнуться с нею во плоти.

Я покачнулся, как ива на ветру, тщетно ища подходящую реплику для начала разговора.

— А, привет, привет, — говорю. Не бог весть что, конечно, но больше ничего не приходило в голову.

Глава 2

Перебирая имена особ женского пола, на которых я в тот или иной момент жизни чуть было не женился, встречаешь порой таких, что страшно вспомнить. Например, упадет взгляд на Гонорию Глоссоп, и дрожь пробегает по всему организму от макушки до пят. И то же самое, если возьмем на букву Б, скажем, Мадлен Бассет. Но, принимая во внимание все обстоятельства, взвесив хорошенько и то и се, я всегда был склонен считать, что Флоренс Крэй превосходит